

политика

А.А.Тесля

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВОЗЗРЕНИЕ

Шмитт К. Понятие политического: Сборник /
Пер. с нем. Ю.Ю.Коринца, А.Ф.Филиппова, А.П.Шурбелева. —
СПб.: Наука, 2016. — 567 с.

Ключевые слова: Карл Шмитт, политическая мысль, «Понятие политического»

За последние полтора десятилетия Карл Шмитт прочно вошел в отечественное интеллектуальное пространство: если не с основными положениями его концепции, то, по меньшей мере, с определением политического как противопоставления «друга» и «врага» сейчас знакомы все, кто хоть как-то соприкасается с областью политической теории и философии. Некоторые факты и эпизоды из его биографии, например статус «коронного юриста» Третьего рейха, приписанный ему бывшим другом, а затем последовательным противником Вальдемаром Гурьяном¹, или способ цитирования трудов юристов еврейского происхождения, предложенный Шмиттом на съезде немецких юристов в 1936 г.², упоминаются достаточно часто, чтобы считать их своего рода «общим знанием».

Впрочем, степень осведомленности не стоит преувеличивать. Большинство суждений и оценок обращены лишь к немногим годам — к периоду, непосредственно предшествовавшему приходу к власти в Германии национал-социалистической партии, и к первым годам нацистского правления. Подобную сфокусированность легко объяснить: позиция Шмитта в эти годы, его поступки и высказывания являются серьезным вызовом не только и даже не столько для оценки (ее дать проще всего) его теоретического наследия, сколько для его понимания.

Вопрос, как его формулирует Александр Филиппов, ведущий российский специалист по политической мысли Шмитта, в том, можем ли мы рассматривать конкретно-историческое движение Шмитта как предопределенное объективной логикой идей (синхронизированной с объективной логикой движения немецкой истории) (с. 535). Отрицательный ответ на этот вопрос, разумеется, не освобождает от поиска оснований для случившегося, но меняет перспективу рассмотрения. Случившееся остается закономерным, но лишается своей необходимости — из предшествующей ситуации последующая выводится, но она не предстает в качестве единственно возможного варианта. Иначе говоря, это оповещение об опасностях, подстерегающих в рамках данной логики, но не указание на непреложность. Более того, остается вопрос о верности самого персонажа собственной логике: кто играет кем, в какой степени поступок вынуждает к ретроспективной перестановке

¹ Подробнее см. Филиппов 2016: 468—469 (в дальнейшем ссылки на данную работу, как и на все иные, вошедшие в состав рецензируемого сборника, даются по тексту в круглых скобках); Кильдюшов 2013: 9—10, прим. 8.

² См. Филиппов 2006: 88 сл.

акцентов в своих предшествующих суждениях, чтобы сделать их частью единой логики или счесть последующее прояснением предшествующего, дабы, когда последующее само станет предшествующим для нового поступка, оно было переинтерпретировано вновь? Ведь даже когда мы не лукавим перед самими собой, мы мыслим и действуем в горизонте возможностей и в прямой и обратной перспективах (само)понимания.

³ В 1992 г. вышел выполненный Филипповым перевод «Понятия политического» в первоначальной редакции 1927 г. (Шмитт 1992: 35–67).

⁴ Шмитт 2000.

Издание наследия Шмитта было задумано еще в 1990-е годы³, и в 2000 г. была анонсирована публикация трудов мыслителя в двух книгах, однако выпущена в свет была только первая из них⁴, куда вошли три текста самого Шмитта («Политическая теология», «Римский католицизм и политическая форма», «Духовно-историческое состояние современного парламентаризма») и биографический очерк, написанный Филипповым. Вторая книга, которая должна была включать «Понятие политического» (текст 1932 г. с предисловием и тремя короллариями), очерк политической социологии Шмитта и библиографию его трудов, так и осталась в проекте.

Рассматриваемый сборник самим расположением текстов предлагает читателю две перспективы, две связанные между собой логики прочтения, в идеале дополняющие друг друга и открывающие возможность для какой-то третьей, читательской, ведь всякое чтение-понимание есть акт отбора — того, что кажется относящимся к сути дела, и того, чем можно пренебречь в рамках поставленной задачи. Работы Шмитта даны в хронологическом порядке — от «Политической теологии» (1923), «Римского католицизма и политической формы» (1923) и «Духовно-исторического состояния современного парламентаризма» (1923) к «Легальности и легитимности» (1932), «Понятию политического» (в редакции 1932 г. и с прибавлениями 1963 г.), «Политике» (1936) и «Разговору о власти и о доступе к властителю» (1954). Порядок размещения текстов определен центральным положением «Понятия политического», образующим своеобразный коралловый остров, выросший с 1927 по 1963 г. поверх одноименной статьи. Развернутое послесловие Филиппова (с. 433–551) представляет, как и определено в его заглавии, материалы «к истории понятия политического», исходящие из современного состояния исследований в этой области.

Понятно, что нет смысла рецензировать тексты Шмитта, мало того что вышедшие 80–90 лет тому назад, но еще и успевшие за минувшие десятилетия стать классическими и породить многообразную литературу. Наша задача принципиально другая — выделить несколько возможных продуктивных поворотов обсуждения из числа тех, которые могут быть актуальными в контексте отечественной политической мысли, но которые (пока) недостаточно артикулированы.

⁵ На этот принципиальный момент обратил внимание, в частности, Лео Штраус в своей знаменитой рецензии 1932 г. (Штраус 2012: 114–115).

Прежде всего отметим позицию зрелого Шмитта 1920-х годов, являющуюся принципиальным разрывом — прямо зафиксированным в «Понятии политического» — с неокантианством⁵ (на тот момент все еще влиятельным в немецком академическом сообществе,

хотя и начинающим сдавать позиции) как с мышлением в парадигме общего понятия культуры, которое затем членится на отдельные области, «провинции»: хозяйства, права, религии, политики. В рамках такого рода мышления говорить о политике — значит говорить не только о специфическом, но и о том, что обладает «естественными границами», и в конечном итоге создавать из «политики» нечто, что граничит с иным, «не-политическим», определяемым позитивным образом: «не-политическое» здесь не просто «иное», а что-то совершенно конкретное, например та же религия или право. У нас тогда есть возможность тематически квалифицировать содержание, суть действия — исходя из самого предмета («от вещей») определить, является ли оно политическим или нет.

Но смысл подобного подхода сам оказывается политическим. Раз политическое — особая область, следовательно, у него есть некие пределы, есть то, что изначально не-политично и не может стать таковым; если же политическое претендует на политизацию иного, вне своей области, то оно совершает недозволенное, нарушает естественную, вытекающую из «природы вещей» границу. Линия атаки Шмитта уже вполне заявлена в «Политическом романтизме» (1919)⁶, комментируя *направленность* которого Филиппов пишет: «Это либеральное, социологическое, понятие общества, образованное применительно к состоянию модерна. Общительность — чистая социальность, но чистая социальность может быть только наслаждением беседой или иным общением, но ничем иным. Основать же длительное общество на общительности нельзя, как нельзя вообще эстетическим подменять политическое. Тем самым под удар ставятся, однако, уже не либералы! Эстетическое воспитание, эстетическая гармония родственных душ, искусство, устанавливающее живую связь поэтизированного прошлого с *Gemeinschaft*'ами настоящего, — весь этот комплекс идей, столь характерных, в частности, для молодежного движения в Германии, дискредитирован самым основательным образом» (с. 466).

То есть атака ведется «всеором» — не только на либерализм, не только на современность, но и на ее основания; более того, не столько на современность, сколько на то, что выступает ее тенденцией, в ожидании иного будущего: «Подобно многим людям своего поколения, Шмитт ожидал радикального преобразования, переворота всей жизни и, возможно, поворота в судьбах мира» (с. 450).

Этот «нерв» мысли Шмитта отчетливо уловил Штраус, поясняя смысл его противоборства с либерализмом как тенденцией к деполитизации — тем уровнем, где прежний либерализм переходит в технику, тотальность анонимной власти, лишенной политического, поскольку все есть лишь «технический вопрос». Говоря о цене «понимания» как идеала, понимания всех всеми, Штраус фиксирует: «Понимание любой ценой возможно только как понимание за счет смысла человеческой жизни; ибо оно возможно лишь тогда, когда человек отказывается ставить вопрос о правильном; а если человек отказывается от этого вопроса,

⁶ Рецензируемое издание готовилось еще до выхода в свет русского перевода «Политического романтизма», хотя вышло в свет уже после его появления (см. Шмитт 2015).

⁷ Штраус 2012: 137.

⁸ Там же: 135.

то он отказывается от того, чтобы быть человеком⁷. Из этого вытекает, что «одобрение политического в конце концов есть не что иное, как одобрение морального»⁸.

Важно отметить, что противоборство с либерализмом для Шмитта — историческое, конкретное, так как таковым является любое политическое понятие. Рассуждая о кризисе парламентаризма (в ответ почтенным немецким либералам предшествующего поколения), Шмитт подчеркивает, что ситуация изменилась, те положения, которые ранее имели силу, ее утратили и прежние слова, обладавшие весом ввиду того, что выражали не просто честное убеждение, но убеждение, опирающееся на реальность, теперь потеряли сцепление с ней: «Что же означал парламентаризм для этих немецких либералов и демократов, боровшихся против кайзеровской системы правления? По сути своей (и в лучшем случае) — средство политического отбора вождей, надежный способ устранения политического дилетантизма и достижения наилучшими и самыми усердными положения политическими вождями. Но способен ли парламент в самом деле образовать политическую элиту? Весьма сомнительно. *В наши дни* (курсив наш. — А.Т.), как нам кажется, на этот инструмент отбора уже не возлагают столько надежд». Это убеждение тоже может соединяться с верой в дискуссию и публичность, а тогда и оно будет принадлежать к принципиальной аргументации парламентаризма. Во всяком случае, парламент «истинен» лишь до тех пор, пока принимают всерьез и действительно ведут публичную дискуссию. «Дискуссия же имеет здесь особый смысл и означает не просто переговоры. <...> Дискуссия означает обмен мнениями, главная цель которого состоит в том, чтобы рациональными аргументами убедить противника в некоторой истине и правильности либо же дать убедить в истине и правильности самого себя. <...> Непременными предпосылками дискуссии являются общие убеждения, готовность дать себя убедить, независимость от партийных обстоятельств, свобода от эгоистических интересов. В наши дни большинство вряд ли сочтет возможной такую незаинтересованность» (с. 96, 97).

Политическое не есть некая отдельная, особая предметная область. Им может быть что угодно, и ни о чем «самом по себе» нельзя сказать, что это — не политическое. Фасон брюк, значок на лацкане, прическа, хождение посолонь, проведение отпуска в Крыму — все это *может* стать политическим или перестать им быть. В «Хранителе (или Гаранте) конституции» (1931) Шмитт отмечает: «Легко и удобно противопоставлять политику и право, политику и хозяйство, политику и культуру, но при этом обычно исходят из того ложного, свойственного либеральному XIX веку представления, что возможно отделить особую область „политика“ от других предметных областей, каковы хозяйство, религия, право. Однако своеобразие политического состоит как раз в том, что *каждая* мыслимая область человеческой деятельности может стать политической и тут же становится политической, как только в этой области образуются решающие конфликты и вопросы.

Политическое может соединиться со всякой материей и только дает ей — да будет мне позволено воспользоваться здесь формулой Эдуарда Шпрангера — „новый поворот“... Все, что некоторым образом может иметь публичный интерес, может быть некоторым образом политическим, и ничто из того, что по сути своей касается государства, не может быть всерьез деполитизировано» (цит. по: с. 526⁹).

⁹ Ср. другой вариант перевода, предложенный Олегом Кильдюшовым (Шмитт 2013а: 161—162).

Политическое — историческое понятие. Для XVIII в. ключевым выступает противопоставление «политики» и «полиции»: первое относится к внешним делам, политическое присутствует между государствами, тогда как внутри — пространство «полиции», администрирования. Государство (феномен Нового времени) монополизировало политическое — что проявляется в XIX в. в разграничении государства и общества, политического и частного, где политическое существует лишь в той мере, в какой его нельзя устранить: общество вынуждено занимать политическую позицию, чтобы минимизировать политическое. Эта логика ведет либо к миру без политики, либо к возвращению политического. Вопрос лишь в том, насколько возможен мир без политики, мир, действительно лишенный ее.

NB! В 1934 г., претендуя на то, чтобы определять если не политическую, то правовую логику Рейха, Шмитт напишет: «Все изменения юридического типа [мышления] <...> находятся в большой исторической и систематической взаимосвязи, которая включает их в соответствующее положение политической жизни сообщества. Как децизионизм Гоббса относится к XVII веку, времени утверждающегося княжеского абсолютизма, а нормативизм разумного права относится к XVIII веку, так и соединение децизионизма и нормативизма, которое представляет собой господствующий с XIX века позитивизм законов, объясняется определенным дуалистическим отношением государства и гражданского общества, двучленной структурой тогдашнего распадающегося политического единства, перемежающего чрезвычайное положение с легальностью. Как только эта дуалистическая структура государства и свободного от государства общества исчезает, тогда должен отпасть и относящийся к ней тип юридического мышления. Государство настоящего теперь разделено не двучленно на государство и общество, но строится в три линии порядка — государство, движение, народ. Государство как особая линия порядка внутри политического единства уже не обладает монополией на политическое, но лишь является органом вождя движения. Выстроенному подобным образом политическому единству больше не соответствует предшествовавшее децизионистское, нормативистское или скомбинированное из них обоих позитивистское правовое мышление о порядках и формах, которое достойно многочисленных новых задач государственной, народной, хозяйственной и мировоззренческой ситуации и новых форм сообщества. Поэтому в подобном продвижении нового

¹⁰ Шмитт 2013б: 354—355.

способа юридического мышления содержится не просто корректура предыдущих позитивистских методов, но переход к новому типу юридического мышления, который должен соответствовать возникающим сообществам, порядкам и формам нового века»¹⁰.

Данная проблема оказывается центральной и для Штрауса в 1932 г., и для Шмитта на протяжении всех послевоенных лет — и его ответ звучит иначе, чем тот, который вычитывает из «Понятия политического» Штраус.

Мир без политики — это мир, где способом осуществлять политическое становится не-политическое. Политическое выстраивается через радикальное противопоставление, оно открывает доступ к реальности, поскольку «понятия „друг“, „враг“ и „борьба“ получают реальный смысл благодаря тому, что они особо сопряжены и постоянно сохраняют связь с *реальной возможностью физического убийства* (курсив наш. — А. Т.)» (с. 308).

Политическое мыслится через предел. Здесь включается гоббсовская логика: предельная опасность другого — это не убийство, а смертельная угроза для каждого со стороны каждого. Не важно, насколько один индивид превосходит другого, не имеет значения, насколько велика вероятность одного убить другого, — принципиально самый слабый имеет шанс убить самого сильного (например, когда тот погрузится в сон), а этот урон абсолютен, так что каждый представляет абсолютную угрозу для каждого: «Война есть только крайняя реализация вражды. Она не обязательно есть нечто повседневное, нормальное; ее и не надо воспринимать как нечто идеальное или желательное, но она, скорее, должна наличествовать как реальная возможность, пока имеет смысл понятие врага» (с. 308).

Война может быть устранена; но дело не в самой возможности, а в цене ее устранения. Ведь война предполагает того, кто квалифицирован как «враг», принципиальный противник, признанный в качестве такового. Деполитизация приводит к тому, что войны больше нет. Ее нет внутри государства (до тех пор, пока оно остается таковым), поскольку любое противодействие здесь бунт, мятеж, преступление и осмелившиеся на это — преступники, а не враги, с ними имеет дело полиция и суд, за ними не признается право на сопротивление. Сходным образом деполитизация международных отношений — это ситуация «мер по противодействию», «миротворческих операций» и т.п. Война, подчеркивает Шмитт, не противоположность права и порядка, равно как и ее отсутствие — не синоним их торжества. Еще в «Диктатуре» (1921) он вскрывает указанную логику, анализируя построения Жан-Жака Руссо: тот «вызвался показать, как возможно государство, в коем нет ни одного несвободного. На практике ответ заключался в том, что несвободных уничтожали. Оправдание этому содержится в положении, высказанном самим Руссо: при определенных обстоятельствах человека нужно заставить быть свободным»¹¹.

¹¹ Шмитт 2005: 145.

Подобный ответ — выход из тупика, который фиксирует Шмитт, обнажая суть вопроса: «Война, готовность борющихся людей к смерти, физическое убийство других людей, стоящих на стороне врага, — у всего этого нет никакого нормативного смысла, но только смысл экзистенциальный, и он заключен именно в реальности ситуации действительной борьбы против действительного врага, а не в каких-то идеалах, программах или нормативностях. Нет никакой рациональной цели, никакой сколь бы то ни было правильной нормы, никакой сколь бы то ни было образцовой программы, никакого сколь бы то ни было прекрасного социального идеала, никакой легитимности или легальности, которые бы могли оправдать, что люди за них убивают один другого. Если такое физическое уничтожение человеческой жизни совершается не из бытийственного утверждения собственной формы экзистенции в противоположность столь же бытийственному отрицанию этой формы, то именно его и нельзя оправдать. Также и этическими и юридическими нормами нельзя обосновать никакой войны» (с. 325).

Проблема в том, что «политическое единство должно в случае необходимости требовать, чтобы за него отдали жизнь. Для индивидуализма либерального мышления это притязание никоим образом не достижимо и не может быть обосновано. Индивидуализм, который отдает распоряжение физической жизнью индивида кому-то другому, а не самому индивиду, был бы столь же пустой фразой, как и либеральная свобода, о содержании и мере которой принимал бы решение кто-то другой, а не сам свободный человек» (с. 348). Здесь всплывает фигура Томаса Гоббса, промышлившего проблему до конца. Если угодно, за непримиримостью Шмитта в критике существующего положения вещей во многом кроется интеллектуальная нетерпимость к недоразумению, нежеланию прояснить собственную позицию, четко ставить вопрос — как либеральная мысль уклоняется от вопроса о жертве, о том, почему общество индивидов может требовать от своих членов отдавать за него жизнь, и при этом, в противовес Гоббсу, не отказывается от самой своей установки: гражданский пафос совмещается с утверждением высшей ценности индивида, требование, обращенное к нему, — с пафосом невозможности что-либо ему навязывать за счет *принципиальной неясности, невнятности оснований*. Ясность наличествует лишь в источке — у Гоббса, либерального мыслителя в долиберальную эпоху. «Право на сохранение голой жизни, в котором состоит естественное право Гоббса, в полной мере обладает характером неотъемлемого права человека, то есть предшествующего государству, определяющего цель и границы государства *притязания* индивидов, — констатирует Штраус. — <...> От завершенного либерализма Гоббс отличается только и только тем, что знает и видит, вопреки *чему* либеральный, цивилизаторский идеал пробивает себе дорогу: ему мешают не просто гнилые учреждения, злая воля господствующего слоя, но природное зло человека; в нелиберальном мире он делает — *sit venia verbo* — основанием либерализма нелиберальную природу человека, в то время как позднейшие авторы, не ведая

своих предпосылок и целей, полагаются на обоснованную в творении и провидении Бога изначальную доброту человеческой природы или на основе естественнонаучного нейтралитета лелеют надежды на улучшение природы, на что не дает никакого права ни опыт, ни знание человека о самом себе. Гоббс пытается *перед лицом* естественного состояния преодолеть естественное состояние — в тех границах, в которых это вообще можно сделать, в то время как позднейшие авторы грезят о естественном состоянии или на основе якобы более глубокого знания об истории, а тем самым и сущности человека, забывают о естественном состоянии. Но — воздадим должное этим позднейшим авторам! — те грезы и та забывчивость являются в конце концов только следствием отрицания естественного состояния, позиции цивилизации, введенной Гоббсом¹².

¹² Штраус 2012: 122—123.

«Но если согласно собственному мнению Шмитта позиция политического сводится к позиции морального — как согласуется с этим проходящая через весь труд полемика против примата морали над политикой? — недоумевает Штраус. — Вероятной причиной представляется то, что в этой полемике под „моралью“ понимается совершенно определенная мораль, а именно мораль, находящаяся в принципиальном противоречии с политическим. „Моральное“ в понимании Шмитта — по крайней мере, в этом контексте — это всегда „гуманно-моральное“... А это значит: Шмитт зависит от воззрений на мораль своих противников, вместо того чтобы поставить под вопрос притязание гуманно-патцифистской морали быть моралью; он остается зависимым от воззрений, которые стремится преодолеть»¹³. Ответом на этот упрек, на наш взгляд, может служить учение о «конкретных порядках»¹⁴, сформулированное Шмиттом в 1934 г.

¹³ Там же: 138.

¹⁴ Данным термином Шмитт обозначает то, что принято именовать «институтами», дабы избавиться от шлейфа нежелательных, но неизбежных коннотаций.

Уже в 1919 г., в «Политическом романтизме», Шмитт утверждает (если вслед за Филипповым перевести представленный в этой работе критический ряд в набор противостоящих позитивных суждений, исходя из которых осуществляется критика): «В действительном есть каузальные связи. Связь причины и следствия необратима. Причиняющее действие имеет необратимые следствия в действительности, и с этим представлением о действительности коррелирует постулат о моральной ответственности действующего. Природа и свобода не противостоят друг другу как два царства, но явление морально ответственного решения в мире каузальных связей соответствует своему понятию именно потому, что действительность, так сказать, возвращает удар. Действующий принужден ответить за последствия решения. Ответственность есть потому, что есть несомненные последствия действий, а попытка приподнять действительность над ней самой, так сказать, приостановить определенность, поставить под сомнение однозначность каузальных связей рассматривается как пренебрежение действительностью как таковой» (с. 466).

Критически анализируя в свою очередь позицию Шмитта 1919 г., Филиппов отмечает: Шмитт не намерен принимать в расчет, «что

¹⁵ «Если отпадает предполагаемая в позитивной норме, но позитивно-юридически не учитываемая нормальность конкретной ситуации, то отпадает любое прочное, предсказуемое и нерушимое применение нормы. Тогда прекращается и „справедливость позитивности“ <...> Без системы координат конкретного порядка юридический позитивизм не сможет различать ни между правом и беззаконием, ни между объективностью и субъективным произволом» (Шмитт 2013б: 335).

¹⁶ Об уединении Макиавелли и его «самостилизации» см. Баткин 2000: 741—806.

возможность не всегда просто противостоит действительности, что возможность может быть понята также и как аспект более полно понятой действительности, что пассивизм и активизм не всегда имеют следствия лишь того ближайшего рода, когда нежелание решиться оборачивается политической трагедией, а героическое решение не всегда лучше бездействия, но имеет и следствия более отдаленные и менее однозначные» (с. 466).

Выходом из обозначенной проблемы и становится учение о «конкретных порядках». Ибо Шмитт никогда не был чистым децизионистом; желаемое им «решение» не автономно, оно не «учреждает», а всегда принимается в рамках определенного порядка — та самая «мораль», которую усматривает в «политике» Штраус¹⁵. Иными словами, метафорика «творца», Fiat и т.п. из «Политической теологии» — это все-таки метафорика в том плане, что «человек» является не творцом в собственном смысле слова, а лишь «изготовителем», тем, кто «трансформирует», меняет форму — в пределах, определяемых не им. Более того, объективный смысл существует, существует и объективная норма — всякое притязание и установление обретают силу, апеллируя к ней и отталкиваясь от нее (и тем самым служа злу), но возможность утверждения и отрицания уже включены в общий порядок. Собственно, это вновь возвращает нас к моральному порядку политического: устранение политического, стремление к миру без политики — это не стремление к теоретически невозможному (как отмечает сам Шмитт), но стремление к миру без смысла, к реальности, где на смену «вызовам» приходят «технические трудности».

Одной из наиболее значимых фигур в пространстве мысли Шмитта, не только теоретической, но и личной, был Никколо Макиавелли. Его образ был важен для Шмитта — по нему он строил свою жизнь после 1950 г., в период изгнания, живя в родительском доме в городке Плеттенберг и называя свое убежище «Сан-Кашьяно»¹⁶. Но написал он о нем немного. Тем ценнее небольшая заметка, опубликованная в 1927 г. к 400-летию флорентийца, в которой Шмитт, после слов о классической ясности языка Макиавелли, отмечает: «Естественность речи является лишь выражением того непреклонного интереса к самой сути дела, с каким этот муж политически рассматривает политические вещи, без морального пафоса, но также и без пафоса имморализма, с честной любовью к родине и нескрываемой радостью по отношению к *virtu*, то есть к силе государственного гражданства и политической энергии, а во всем остальном — без какого бы то ни было иного аффекта, кроме презрения к политической халтуре и половинчатости. Гуманность у него еще не стала сентиментальностью. Для него самоочевидно, что всякий, кто действует в области политического, должен знать, что он делает, и что похвальные свойства частного лица: добродушие и чистосердечие — у политика могут стать не только смешны, но обратиться в достойные проклятий преступления по отношению к государству, которому приходится платить за последствия такого чистосердечия» (цит. по: с. 532—533).

Обращаясь к Штраусу и воспользовавшись его «морализацией» Шмитта, по цитированному тексту можно разграничить моральность мысли и моральность действия — значимое разграничение, которое важно и для Макиавелли, и для Шмитта. Насколько существенна биография того или другого? Насколько слабость или откровенная постыдность поведения опорочивает мысль? И насколько моральность мысли — ясность, отчетливость, способность ставить вопросы, от которых более житейски моральный человек, быть может, вполне благо разумно отворачивается (не ради житейского, а как раз ради гражданского), — автономна? Впрочем, как замечает сам Шмитт в своем саркастическом «Разговоре о власти и о доступе к властителю»: «...Макьявелли не был макьявеллистом. <...> Если бы Макьявелли был макьявеллистом, он бы точно не стал писать книг, которые выставляют его в дурном свете. Он бы опубликовал благочестивые и назидательные книги, всего лучше — „Анти-Макьявелли“» (с. 430—431).

Аналогично можно сказать и о Шмитте. То, что нередко вычитывают из его текстов, не нуждается в подобной силе теоретического вопрошания: «Порождение права в критической ситуации является ключевой темой Шмитта. Основные заблуждения критиков в оценке его позиции связаны именно с тем, что интерес Шмитта к порождению и сохранению права спутывают и смешивают со стремлением оправдать не просто методы чрезвычайного управления во время чрезвычайного положения, но перенесение самой идеи, самого понятия о чрезвычайном положении на всю область нормального. Иначе говоря, то, что Шмитт как юрист хотел развести самым решительным образом, а именно управление, которое, конечно, не может не быть обусловлено требованиями момента, и право, которое не может не быть возвышено над специфическими требованиями момента и только потому и является ресурсом для определения правомерности управленческих решений, — оказывается не просто не различено, но представлено как произвол, принимающий вид права, но не отвечающий сути права» (с. 478).

В 1936 г., завершая свою совершенно конъюнктурную статью «Политика» со ссылками на Адольфа Гитлера и Йозефа Геббельса, Шмитт писал: «Любая политика принимает в расчет возможность сопротивления, которое она должна преодолеть. Она не может отказаться от борьбы и ограничиться тактикой уравнивания и компромисса. Подлинной „деполитизации“ и абсолютно неполитического состояния достиг бы только тот, кто принципиально не желал бы более различать друга и врага. Но под политикой понимают также оформление и достижение порядка и гармонии всеохватного народного Целого, внутри которого нет вражды и которое как Целое со своей позиции в состоянии определять друга и врага. Итак, глубочайшая противоположность в воззрениях на сущность политического касается не вопроса, может или нет политика отказаться от всякой борьбы (этого она сделать вообще не может, не перестав быть политикой), но другого вопроса: *в чем*

обретают свой смысл война и борьба. Имеет ли война свой смысл в самой себе или в мире, достигаемом благодаря войне?

Согласно воззрению чисто воинственному, у войны есть свой смысл, свое право и свой героизм в ней самой; человек, как говорит Эрнст Юнгер, „не предназначен для мира“. <...> Такое воззрение в качестве чисто *воинственного* противоположно *политической* точке зрения. Последняя исходит скорее из того, что войны осмысленным образом ведутся ради мира и являются средствами политики» (с. 414).

Иными словами, политика есть способ достижения мира и порядка. Не единственный из возможных, но единственный сохраняющий смысл человеческого существования способ ставить вопрос о ценностях, а не только о средствах, i.e. способ достижения мира не любой ценой, а ценой, совместимой с осмысленной человеческой жизнью.

Библиография

Баткин Л.М. 2000. *Европейский человек наедине с собой: Очерки о культурно-исторических основаниях и пределах личного самосознания*. — М.

Кильдюшов О.В. 2013. Между правом и политикой: Карл Шмитт в начале 1930-х // Шмитт К. *Государство: Право и политика*. — М.

Филиппов А.Ф. 2006. Критика Левиафана // Шмитт К. *Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса: Смысл и фиаско одного политического символа*. — СПб.

Филиппов А.Ф. 2016. К истории понятия политического // Шмитт К. *Понятие политического*. — СПб.

Шмитт К. 1992. Понятие политического // *Вопросы социологии*. № 2.

Шмитт К. 2000. *Политическая теология: Сборник*. — М.

Шмитт К. 2005. *Диктатура: От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы*. — СПб.

Шмитт К. 2013а. Гарант конституции // Шмитт К. *Государство: Право и политика*. — М.

Шмитт К. 2013б. О трех видах юридического мышления // Шмитт К. *Государство: Право и политика*. — М.

Шмитт К. 2015. Политический романтизм. — М.

Штраус Л. 2012. Замечания к «Понятию политического» Карла Шмитта // Майер Х. *Карл Шмитт, Лео Штраус и «Понятие политического»: О диалоге отсутствующих*. — М.

References

Batkin L.M. 2000. *Evropejskijj chelovek naedine s sobojj: Ocherki o kul'turno-istoricheskikh osnovanijakh i predelakh lichnogo samosoznani-ja*. — M.

Filippov A.F. 2006. Kritika Levafana // Schmitt C. *Levafan v uche-nii o gosudarstve Thomasa Hobbesa: Smysl i fiasko odnogo politicheskogo simvola*. — SPb.

- Filippov** A.F. 2016. K istorii ponjatija politicheskogo // Schmitt C. *Ponjatje politicheskogo*. — SPb.
- Kildyushov** O.V. 2013. Mezhdru pravom i politikoj: Carl Schmitt v nachale 1930-kh // Schmitt C. *Gosudarstvo: Pravo i politika*. — M.
- Schmitt** C. 2000. *Politicheskaja teologija: Sbornik*. — M.
- Schmitt** C. 2005. *Diktatura: Ot istokov sovremennoj idei suvereniteta do proletarskoj klassovoj bor'by*. — SPb.
- Schmitt** C. 2013a. Garant konstitucii // Schmitt C. *Gosudarstvo: Pravo i politika*. — M.
- Schmitt** C. 2013b. O trekh vidakh juridicheskogo myshlenija // Schmitt C. *Gosudarstvo: Pravo i politika*. — M.
- Schmitt** C. 2015. *Politicheskij romantizm*. — M.
- Schmitt** C. 1992. Ponjatje politicheskogo // *Voprosy sociologii*. № 2.
- Strauss** L. 2012. Zamechanija k «Ponjatiju politicheskogo» Carla Schmitta // Meier H. *Carl Schmitt, Leo Strauss i «Ponjatje politicheskogo»: O dialoge otsustvujushhikh*. — M.